

Некрасова О.И.
г. Сыктывкар

Исследование конструкций с деепричастиями коми языка в работах лингвистов

Деепричастие коми языка входит в состав инфинитивных глагольных форм коми языка. Современная система деепричастий литературного коми языка включает 22 формы [31: 344]: прошедшего времени – *мысьт*; настоящего времени (одновременного действия): а) неопределенно-личные: *-иг (-ig)*, *-игö (-igö)*, *-игön (-igön)*, *-игмоз (-igmöz)*, *-игсор (-igсор)*, *-игтыр (-igтыр)*, *-игчöж (-igчöж)*, *-игкості (-igкості)*, *-ана (-ана)*, *-анмоз*; б) определено-личные: *-игам (-igам)*, *-игад (-igад)*, *-игас (-igас)*, *-иганым (-иганым)*, *-иганыд (-иганыд)*, *-иганыс (-иганыс)*; одновременного / предшествующего действия *-тöг*, *-öмön*; последующего действия *-тöдз*, *- ижежлö*; герундий с семантикой потенциального действия *-мön*.

Выделение деепричастных форм можно наблюдать уже в ранних грамматиках, начиная с грамматики А. Шёгрена, история исследования деепричастий в коми языке уже освещалась [26: 130-145], но не менее актуально проследить историю исследования деепричастия в свете его синтаксических потенциалов.

Синтаксические связи деепричастия в предложении могут рассматриваться в двух направлениях, которые отмечены П.Н. Перевощиковым [14: 99] как «внешние» – т.е. отношения между деепричастием и поясняемым им членом предложения, и «внутренние» – есть между компонентами (членами) деепричастной конструкции. Под конструкцией понимается «сочетание слов, выступающее в качестве одной синтаксической единицы» [3: 123]. Деепричастная конструкция в коми языке определяется исследователями

как «отглагольный оборот, то есть отглагольные слова с относящимися к ним подчиненными управляемыми и примыкающими словами», который «составляется по типу определительных словосочетаний, именно: слова в составе отглагольного оборота располагаются в следующем порядке: подчиненные предшествуют, подчиняющие последуют» [22: 46], в учебнике по синтаксису коми языка [24] к деепричастному обороту отнесены «деепричастие в роли главного слова вместе с относящимися к нему словами». Подобные определения встречаются в работах исследователей близкородственных языков: деепричастная конструкция – «глагольное (деепричастное) словосочетание – сочетание деепричастий с зависимыми и независимыми словами» [14: 99].

Одной из особенностей синтаксического строя коми языка является «выражение подчиненной предикации в составе простого предложения посредством его осложнения оборотами, организуемыми инфинитными глагольными формами: причастиями, деепричастиями, отглагольными существительными» [15: 55]. Широкое распространение так называемых абсолютных оборотов, причастных и деепричастных конструкций вместо придаточных предложений Б.А. Серебренников считает характерной чертой древнего синтаксиса коми языка [21: 101-102]. Учеными (Ф.И. Видеманом, Д.Р. Фокошем-Фуксом и др.) отглагольные конструкции рассматривались в аспекте исследований языкового родства финно-угорских с азиатскими (маньчжурскими, монгольскими, тюркскими) как один из аргументов в пользу близости этих языков, так как «по мнению Видемана, наиболее характерные общие свойства указанных выше семей языков касаются <...> главным образом синтаксиса, <...> в том числе предпочтительное употребление так называемых «присоединительных» глагольных форм (причастных или деепричастных конструкций), а не союзов» [17: 43]. В связи с тем, что деепричастия в коми языке и в финно-угорских языках в целом могут иметь собственный субъект, отличный от субъекта-подлежащего, принято говорить о двух типах деепричастных конструкций: бессубъектной (моносубъектной) и субъектной (разносубъектной). С субъектными деепричастными конструкциями в финно-угроведении связана также проблема сложного предложения, так как «при несовпадении агенса в основе построения деепричастной конструкции лежит модель простого предложения» [3: 51-53]. В коми языкознании субъектные деепричастные конструкции традиционно рассматриваются в рамках простого предложения в качестве обстоятельственных распространителей [24: 65-76; 8: 67-70], как эквиваленты сложноподчиненного предложения [6]. Несмотря на то, что в пособиях и учебниках по синтаксису коми языка [24] субъектные конструкции не выделяются [12: 121], можно заметить, что правила обособления конструкций и одиночных деепричастий распространяются в основном на моносубъектные деепричастия, деепричастные конструкции (с общим субъектом), которые выполняют функцию второстепенного сказуемого, выражая дополнительное действие общего субъекта: в таких случаях они обычно обособляются, кроме как если не связаны тесно с

поясняемым глаголом-сказуемым [24: 103-105; 8: 83], разносубъектные конструкции, как правило, не обособляются.

Разносубъектные деепричастные конструкции коми (зырянского) языка выявлены еще в грамматике Х. Габеленца [5: 69-72], в разделе Wortfügung (Сочетание слов в предложении): с дательным самостоятельным или генитивной формой субъекта и деепричастия на –игӧн (ygön), самостоятельным дательным субъекта и формой на –мысьт (myst), объектные деепричастные конструкции с формой на –иг (yg): *adzis najaös uzig*. Оборот «дательный самостоятельный» не характерен для коми языка, заметно, что автор грамматики при написании использовал материал переводных церковных текстов, в которых оборот калькирован с церковнославянского. Впоследствии оборот «дательный самостоятельный с деепричастием –иг» всплывает в грамматике П. Савваитова (1850) [18], воспользовавшегося материалами Х. Габеленца. В грамматике 1884 года Ф.И. Видемана [4: 167] говорится о субъекте деепричастий (Verbaladverb) в генитивной, адессивной или номинативной форме. В дальнейшем сведения о субъекте деепричастия, отличном от субъекта-подлежащего основного предложения приводятся в работах И.И. Майшева [11: 68], Д.В. Бубриха [2: 136; 137; 142], А.С. Сидоров рассматривает его как «принадлежностное определение» [22: 52], в современных пособиях по синтаксису коми языка слова, обозначающие субъект квалифицируется как субъектный атрибут (определение), который присоединяется «к словам со значением действия, состояния», вступая с ними в «субъектно-определяющие отношения» [7: 22]. Наиболее подробно вопроса субъекта деепричастных конструкций коми касаются Г. Штипа (1960) и Е.А. Цыпанов (2000). У Г. Штипы (1960) субъект определен через понятие агенса – «лицо / вещь, которая производит деятельность» [29: 28], исследователь подробно рассматривает формы и способы выражения агенса именных глагольных форм, в том числе и деепричастий. Проводя сравнительный анализ морфологических и синтаксических свойств деепричастий и деепричастных конструкций в русском и коми языках, исследователь Н.Д. Манова [12: 120-129] выявляет значительные различия коми и русских деепричастий, одним из важных дифференцирующих признаков деепричастных конструкций русского и коми языка называет наличие субъектных деепричастных конструкций в коми. В научной грамматике Ёния коми кыв. Морфология [31: 348], где тема деепричастий раскрыта наиболее полно и рассматривается субъект деепричастия, выделено три разновидности семантического субъекта (керӧм вӧчысь): 1) общий, 2) самостоятельный (абсолютный) и 3) неопределенный. В связи с исследованием деепричастных конструкций удмуртского языка, развития гипотактических отношений в удмуртском языке лингвистами-удмуртоведами также привлекается материал по деепричастным конструкциям коми языка [16: 32], А.Ф. Шутовым выявлены общепермские модели деепричастных конструкций [30: 4].

Внимание ученых, особенно зарубежных, привлекают объектные деепричастные конструкции с формой на –иг, которые, как уже отмечалось, зафиксированы еще в ранних грамматиках, например, Х. Габеленцем [5: 69]: «форма –ug обычно относится к объекту, –ugöп – к субъекту главного предложения: adzis najaöb usig». Имя в форме аккузатива является объектом основного глагола и субъектом деепричастия. Ф. Видеман [4: 177] в таких деепричастных конструкциях отмечает адъективные качества формы на –иг (ug), эквивалентность деепричастий –иг и причастий на –ысь («–иг в таких конструкциях может заменяться причастием на –ысь»), как и Бубрих [2: 141] у форм на –иг, –игöн: «вместо дополнительных придаточных предложений могут употребляться обороты с винительным падежом и образованием на –игöн, –иг». Г. Штипа [29: 179-186] объектные обороты «аккузатив с деепричастием –иг, –игöн» рассматривает в группе «Придаточные дополнительные предложения с именной формой глагола в качестве предикатива» («accusatives cum prædicativo»), с именными формами на –ысь и –öм в аналогичной позиции. Коллиндером Б. при обзоре нефинитных глагольных форм отмечается конструкция с –ig-овой деепричастной формой: «Дефективное глагольное имя встречается в конструкциях, эквивалентных конструкциям accusativus cum infinitivo (тэнсьыд надейтчöны сизимсё колиг)». Д.Р. Фокош-Фукс [25: 315-321], подвергая анализу именные глагольные формы (в том числе и формы на –иг и –игöн) с целью выявления настоящих деепричастий и оперируя всеми известными данными по объектным конструкциям (из ранее изданных источников – грамматик Х. Габеленца, Ф. Видемана, Д.В. Бубриха и т.д.), в качестве одного из аргументов для не отнесения форм на –иг к числу деепричастий выдвинул адъективную позицию форм на –иг в объектной конструкции, соглашаясь с Ф. Видеманом, который отнес форму к Verbalnomina, а не к Verbaladverb. В трудах российских исследователей, за исключением П.И. Савваитова и Д.В. Бубриха, объектные деепричастные конструкции не рассматриваются и не исследуются.

На фоне слабой разработанности синтаксиса коми языка в XIX в. относительно функционирования деепричастия в предложении можно отметить несколько моментов. У П. Савваитова за деепричастиями в предложении закреплена основная функция – определительная – при сказуемом [18: 94], причем «определения <...> могут сопровождаться своими определениями и дополнениями» [18: 96], то есть отмечается способность деепричастий составлять оборот. Давая характеристику сложного предложения, автор отмечает возможность замены придаточной части сложного предложения причастием или деепричастием: «глагол с относительным местоимением может быть сокращен в причастие, а с личным местоимением и союзом – в деепричастие» [18: 97]. Ф. Видеман, отмечая особенности синтаксиса пермских языков (зырянского и удмуртского), в частности отмечает «способность зырянского, удмуртского языков сокращать с помощью глагольных имен и деепричастий два предложения в одно, из которого следует, что они гораздо реже используют союзы, чем другие языки» [4: 230].

В.А. Молодцов, заметивший, что «синтаксис зырянского языка не разработан» [13: 4], в главе «Примеры синтаксической классификации» небольшой книги «К грамматической классификации слов зырянского языка», исследуя основные типы синтаксической связи (сочинение, подчинение) в словосочетании, союзную, бессоюзную связь в сложном предложении, относит деепричастия к адвербиальной категории («отглагольные наречия») и рассматривает как атрибут глагольных форм (инфинитива).

В грамматике И.И. Майшева отмечены конструктивные возможности деепричастий образовать оборот с замечанием о порядке слов в обороте: «Вместе с управляемыми (и примыкаемыми) словами причастия образуют причастные обороты; управляемые слова в причастном обороте стоят перед причастием, «деепричастие <...> может образовать деепричастный оборот» [11: 79].

Д.В. Бубрих в учебнике «Грамматика литературного коми языка» также касается нескольких аспектов относительно деепричастий и деепричастных конструкций [2]: в аспекте синтаксической синонимии, как и в грамматиках Ф. Видемана [4: 177], П. Савvaitова [18: 115], отмечается эквивалентность деепричастных оборотов и придаточных предложений. Д.В. Бубрих пишет: «Нередко на том же месте, что придаточное предложение, и с теми же интонационными особенностями употребляются более или менее развернутые концентры обычного типа, как предложения не оформленные, или даже отдельные элементы предложения. Это обособленные концентры, или элементы предложения» [2: 17]. Автор также отмечает способность деепричастий, подобно существительным, присоединять определения, особенно определение *быд* «всякий, каждый».

В учебнике «Современный коми язык. Синтаксис» 1967 года, вышедшем под редакцией Н.Н. Селькова, описаны связи деепричастий в словосочетании и функционирование деепричастных конструкций (оборотов) в предложении. Типичной синтаксической функцией деепричастий и деепричастных оборотов является обстоятельственная (обстоятельства времени, образа действия, меры и степени) (С. 65-75). Что касается предикативной функции, то деепричастие в составе главного члена предложения – сказуемого – с формой на *-мён* (Verbaladverb) с глаголом-связкой впервые отмечено у Штипы Г. [29: 270], в учебнике Современный коми язык в качестве предикатива составного именного сказуемого также отмечена форма на *-мён* как деепричастная: *Кõрым таво лõ тырмымён* «Корм в этом году будет в достаточном количестве» [24: 36-38]. В работах В.М. Лудыковой впервые выделяется составное глагольное сказуемое с деепричастием на *-тõг* и вспомогательными глаголами *кольны*, *овны* [1: 68; 36: 56], например: *На вõсна коли велõдчтõг* «Из-за них не смог учиться»; *Мунис кõ, вайтõг оз ов* «Если пошел, то принесет»; и приводятся соответствия в прибалтийско-финских языках. В статье Цыпанова Е.А. «Отрицательный инфинитив в коми языке» [28: 132-140] отмечается экспансия в коми языке инновации – конструкции с отрицательным инфинитивом –

зачастую за счет уменьшения употребления синонимичных по значению исконных коми глагольно-деепричастных конструкций (глагол + -тӧг).

Как разновидность осложненного простого глагольного сказуемого, исследователи [24: 33; 8: 36; 9: 56; 7: 53] выделяют сказуемое, выраженное сочетанием глагола с деепричастной формой того же глагола: ...амбаръяс дорын йӧзыс *жудӧмӧн жуӧ* «Около... амбаров люди *кишмя кишат*». Таким образом, деепричастие (форма на -ӧмӧн) зафиксирована в качестве интенсификатора в осложненной форме простого глагольного сказуемого и «представляет с однокоренным личным глаголом одно целое» [9: 56].

В диалектах коми языка форма на -мӧн в сочетаниях с прилагательными отмечается в качестве слова-усилителя (как показатель степени усиления качества) [19: 16].

Состав, порядок слов, место в предложении, синтаксические связи и отношения между членами деепричастной конструкции рассмотрены в ряде работ. Как первое крупное исследование можно отметить монографию А.С. Сидорова «Порядок слов в предложении коми языка» (1953); порядку слов посвящена глава в учебнике по синтаксису коми языка [24: 1967]. В работах К. Редей [16] и Е.А. Цыпанова [29] рассматриваются инверсированные деепричастные конструкции. Отмечается, что в конструкциях возможен обратный порядок слов (инверсия). Подобный порядок характерен для оборотов русского языка, а в коми языке встречается в переводных церковных текстах 18 века и воспринимается как не соответствующий правилам и структуре коми языка [16: 39-40], например: *сэзь велмӧссис нилу юклӧген кыльяссӧ* би койд (вм. *кывьяссӧ юклӧгӧн*), или встречается как авторское употребление в прозе (редко), либо как средство для создания рифмы, возможность разнообразить, выделить язык поэтического произведения [29: 186]. В условиях поэтического произведения инверсированные деепричастные конструкции вполне вписываются в текст и не искажают смысла. В монографии В.В. Понарядова «Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении (простое предложение)» порядок слов в отглагольных оборотах рассмотрен в сравнительно-типологическом аспекте в связи с актуальным членением предложения, затронут также диахронический аспект [15: 55-70]. Выявляется типологическое сходство отглагольных конструкций коми языка с аналогичными в монгольских, тюркских языках, анализируется и обосновывается схема трансформации и образования подчиненных предикативных оборотов. Причастные, деепричастные конструкции в пермских языках рассматриваются как осложняющие обороты, выражающие подчиненную предикацию, в которых «за редкими исключениями» причастие, деепричастие сохраняет финальную позицию, тем самым «повторяя нейтральный порядок слов в языках типа SOV. Объяснить эту особенность можно только в случае признания исторической производности осложняющих оборотов от ранее самостоятельных предложений» [15: 85-86].

Интересные черты инфинитных конструкций подмечены А.С. Сидоровым в статье «Отрицательные обороты и предложения в коми языке [23].

Рассматривая категорию отрицания и способы ее выражения в коми языке в связи с «развитием глагольного предложения с личным согласованием», А.С. Сидоров отмечает, что слова с древними каритивными суффиксами –тӧг, –тӧм являются синтетической формой выражения отрицания, а в отглагольных оборотах наблюдается отрицательное согласование каритивных форм с отрицательными и вопросительно-относительными местоимениями: «согласование по категории отрицания может иметь место и в непредикативных словосочетаниях, в отглагольных оборотах, в этом случае согласование происходит не обязательно по связи с сказуемым, а по связи с отглагольным словом» [23]. В связи с развитием отрицательных оборотов следует отметить, что «в коми-зырянском языке деепричастия на –тӧг могут создавать особые обороты, не свойственные коми-пермяцкому языку, например: Узис сійӧ некутиӧм вӧтъяс аддзывтӧг «Спала она, не видя никакие сны»; Öні некод тӧдлытӧг позьӧ пышйыны «Теперь, пока никто не знает, можно бежать» [24: 15].

Краткий обзор наиболее значимых в связи с темой статьи работ позволяет сделать вывод, что в коми языке наиболее разработана тема порядка слов в инфинитивных оборотах и требуются дальнейшие исследования как в синхронном, так и в диахронном аспекте.

Литература

1. Collinder B. Survey of the Uralic languages. – Uppsala, 1957: 305.
2. Бубрих Д.В. Грамматика литературного коми языка. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1949. – 205 с.
3. Васикова Л.П. Синтаксическая структура деепричастных конструкций в финно-угорских языках // Материалы VI Междунар. Конгресса финно-угроведов. Т.2. – М.: Наука, 1990. – С.51-53.
4. Wiedemann F.J. Grammatik der Syrjänischen sprache mit Berücksichtigung ihrer dialekte und des wotjakischen. – St.-Petersburg, 1884.
5. Gabelentz H.C. Grundzüge der syrjänischen Grammatik. – Altenburg, 1841.
6. Кренделева Т.В. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени и их эквиваленты в коми языке: Автореф. ...канд. Филол. наук. – Сыктывкар, 2010. – 29 с.
2. Лудыкова В.М. Коми кывйын кывтэчас да прӧстой сёрникузя. (Словосочетание и простое предложение в коми языке). Сыктывкар, Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2009.
3. Лудыкова В.М. Öнія коми кывлӧн синтаксис. I юкӧн. Кывтэчас да прӧстой сёрникузя [Синтаксис коми языка. Ч. I: Словосочетание и простое предложение] / КРИППКРНО. – Сыктывкар, 1993. – 95 с.
4. Лудыкова В.М. Осложненные типы простого глагольного сказуемого в коми языке // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 4. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. – С.44-60.

5. Лудыкова В.М. Составное глагольное сказуемое в коми языке // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 5. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. – С. 59-71.
6. Майшев И.И. Грамматика коми языка. – Сыктывкар, 1940.
7. Манова Н.Д. Грамматические свойства русского и коми деепричастий в сопоставительном освещении // Взаимодействие финно-угорских и русского языков / АН СССР. Коми филиал. Сб. ст. – Сыктывкар, 1984. – С. 120-129.
8. Молодцов В.А. К грамматической классификации слов зырянского языка. 1928.
9. Перевошиков П.Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. – Ижевск, 1959.
10. Понарядов В.В. Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении (простое предложение). – Сыктывкар, 2010.
11. Редей К. Влияние церковнославянского языка на семантику и синтаксис древнезырянского / ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Пер. с венг. И.А. Николаевой. – Сыктывкар, 1996. – 59 с.
12. Рясанен М. Об урало-алтайском языковом родстве // Вопросы языкознания. 1968. №1. – С.43-50.
13. Савваитов П. Грамматика зырянского языка. – СПб., 1850.
14. Сажина С.А. Сравнительная морфология коми-зырянских диалектов (именные части речи). Ареальный аспект исследования: Автореф. ..канд. филол. наук. – Ижевск, 2004. – 25 с.
15. Серебренников Б.А. О характере древнего синтаксиса языка коми // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: Тез. докл. и сообщ. – Сыктывкар, 1965. – С. 104-105.
16. Серебренников Б.А. О некоторых характерных особенностях древнего синтаксиса языка коми // Советское финно-угроведение. 1967. 2. – С.101-106.
17. Сидоров А.С. Отрицательные обороты и предложения в коми языке // Сидоров А.С.: Избранные статьи по коми языку / Сост. Г.В. Федюнева. – Сыктывкар, 1992. – С.121-137.
18. Сидоров А.С. Отрицательные предложения и отрицательные обороты в коми языке // Доклады и сообщения. – М., 1955. Вып.7. – С. 55-67.
19. Современный коми язык / Ред. Н.Н.Сельков. Учебное пособие для вузов. Ч.2: Синтаксис. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. – 284 с.
20. Fokos-Fuchs D. Die Verbaladverbien der permischen Sprachen. [Отглагольные наречия в пермских языках] // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, t. VIII. – Budapest, 1958. – S.272-342.
21. Цыпанов Е.А. История и проблемы исследования деепричастий в коми языке // Динамические процессы в системах пермских языков. Труды ИЯЛИ. Вып. 68. – Сыктывкар, 2011. – С. 130-145.
22. Цыпанов Е.А. О порядке слов в коми деепричастных конструкциях // Пермистика-7: Сб. ст. – Сыктывкар, 1999. – С.186-189.

23. Цыпанов Е.А. Отрицательный инфинитив в коми языке // Грамматика и лексикография коми языка / Отв. ред. Г.В. Федюнева. – Сыктывкар, 1995. – С. 132-140. – (Тр. ИЯЛИ; Вып. 58).
24. Stipa G. Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen. [Функции именных форм глагола в пермских языках]. – Helsinki, 1960. – 290 s. – (Memoires de la Societe Finno-ougrienne, 121).
25. Шутов А.Ф. Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке: Автореф. ... доктора филол. наук. – Йошкар-Ола, 2002.
26. Ёнія коми кыв. Морфология. [Современный язык. Морфология. Учебник для вузов] / Отв. ред. Г.В. Федюнева. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. – 544 с.
27. Коми-пермяцкий язык: введение, фонетика, лексика и морфология / Под ред. проф. В.И.Лыткина. Коми-пермяцкое книжное издательство. – Кудымкар, 1962. – 340 с.